

Писатель и жизнь

Ф. Абрамов:

«НЕ ЖАЛЕЙТЕ СИЛ!..»

Творчество известного советского писателя Федора Александровича Абрамова, недавно безвременно ушедшего от нас, хорошо известно куйбышевцам. Творческое содружество связывало его с куйбышевским писателем Владимиром Молько. Ими были написаны пьесы по повестям Абрамова «Пелагея и Аляка», которая впервые в стране была поставлена на сцене Сызранского театра драмы.

Сегодня мы знакомим наших читателей с воспоминаниями В. Молько об этом замечательном русском советском писателе, в которых, как нам кажется, личность этого писателя-гражданина, взыскательного художника предстает ярко и убедительно.

Безвременная кончина автора «Пряслиных», и других прекрасных произведений современной «деревенской прозы» глубоко опечалила миллионы читателей и почитателей самобытного литературного таланта и яркого гражданского темперамента Федора Александровича Абрамова. Что же говорить о сердечной боли тех, кто был близко знаком с этим удивительным русским советским писателем, о тех, кого он щедро одарил энергией жизнелюбия и бесценными, забываемыми уроками ответственности за каждое рожденное и написанное слово...

Впервые я встретился с Федором Александровичем в Ленинграде январским вечером 1965 года. Произошло это у Марка Зосимовича Ланского, с которым мы написали пьесу по его повести «Когда в сердце тревога», впервые поставленную Куйбышевским театром юных зрителей. Собственно, это обстоятельство и явилось поводом ужина у Ланских, где, кроме Федора Александровича и его супруги Людмилы Владимировны, к счастью, никого не было. К счастью, потому что судьба одарила меня тогда не просто мимолетным знакомством, а возможностью непринужденного общения с писателем, к которому через несколько лет придет заслуженная слава, придет широкое признание читателей и критики.

Но в то время Федор Александрович был только на пути к большому успеху. Причем на пути очень и очень нелегком, встречая и непонимание своего новаторского обращения к самым сокровенным истокам народной нравственности и духовности, а часто и несправедливые оценки первых произведений ху-

дожественной прозы и публицистики. Да, настроение в тот памятный вечер было у Федора Александровича далеко не праздничным. Это было видно, это проглядывало явственно, ибо скрывать свои переживания он, судя по всему, не умел, да и не хотел. Однако — никакой унылости, растерянности и уж, тем более, паники! Наоборот, — от всей его неброской фигуры, неброского облика и импульсивной натуры веяло твердостью, волей и верой. Энергичное лицо, глуховатый голос, характерный северный говор, твердость и мужественная бескомпромиссность литературных пристрастий, убежденный и суждений — запомнились навсегда.

Потом, шесть лет спустя, когда начнется наша работа над пьесой по повестям «Пелагея» и «Аляка», это первое и сильное впечатление не только не померкнет, а еще больше упрочится и углубится. К тому же оно получит и документальное, так сказать, подтверждение в письмах Федора Александровича.

С некоторыми, проливающимися свет на ключевые моменты необычайно трудной и увлекательной работы и одновременно ярко освещающими личность Абрамова — взыскательного художника-гражданина, а также его живое, меняющееся отношение к вечно актуальным, порой конфликтным этическим и эстетическим проблемам драматургического переосмысления прозы, я решил познакомиться читателей.

Проглотив, не переводя дыхания, в «Новом мире» повесть «Пелагея» и узнав, что Абрамов работает над призывающей к ней повестью «Аляка», я обратился к нему

с просьбой об инсценировании, горячо поддержанной Сызранским драматическим театром и его главным режиссером Александром Михайловичем Трубаем. Через некоторое время Федор Александрович ответил:

«...Благодарю Вас за внимание к моим повестям.

Что ж, я не возражаю против их инсценирования. Пожалуйста! Всяческой Вам удачи!

Что касается повести «Аляка», то я ее пришлю Вам лишь только после того, как получу от Вас письмо. А то ведь, возможно, за это время Вы уже передумали...

Всего доброго! Ф. Абрамов. 10 сентября 1971 г.»

Разумеется, я не передумал, театр тоже. Подтверждая наше желание осуществить драматургическое и сценическое воплощение его произведений, я написал Федору Александровичу, что, судя по «Пелагее», вероятно, лучше будет не инсценирование, а создание «пьесы по мотивам». Ответ был таким:

«...Ваше письмо прочитал с большим удовольствием, я, пожалуй, согласен с Вами, что пьеса более стоящее дело, чем инсценировка. Во всяком случае, с моей стороны не будет никаких препятствий Вашей работе.

Что касается «Альки», то текст ее я вышлю в днях. Повесть эта, если все ладно, будет напечатана в «Нашем современнике», в 1-м номере за 1972 г.

Вот, кажется, и все...

Всего Вам доброго!

Ваш Ф. Абрамов.

16 октября 1971 г.

Звоните, всегда буду рад Вашему звонку.

Ф. А.

Получив машинописную рукопись «Альки», внимательно изучив ее содержание, продолжающее и развивающее содержание «Пелагеи», я окончательно убедился в том, что «простого» инсценирования не получится. Более того, все попытки написать некоторые центральные сцены, не прибегая к домысливанию и дописыванию образов матери и дочери, их драматической жизни и судьбы, ограничиваясь лишь текстом по-

вестей, терпели явную неудачу. Об этом я откровенно написал Федору Александровичу и, естественно, предложил ему принять участие в создании пьесы. Ответ пришел незамедлительно:

«...Мне приятно, что Вы с такой ответственностью подходите к работе над пьесой. Понятно и то «святое беспокойство», которое начинает овладевать Вами.

Но вот что меня смущает, если откровенно говорить: как же Вы будете домысливать, развивать характеры, которые рождены не Вами? Может быть, лучше все-таки остановиться на инсценировке?

Впрочем, Вам, как говорится, виднее. Я только о чем хочу заранее предупредить Вас: я не смогу много работать над пьесой — у меня нет для этого времени. И давайте уж еще об одном договоримся: если пьеса Ваша мне не понравится, не обессудьте: я так и скажу Вам — не получилось. А это, как Вы знаете, в искусстве бывало.

Охотно понимаю Ваши затруднения с переводом повествовательного текста в драматургический. Но что делать?

Всего хорошего!

Ваш Ф. Абрамов.

23 ноября 1971 г.»

Пожалуй, с этого времени и началось наше уже реальное, что ли, творческое содружество, согреваемое доверием и постоянной помощью автора повестей. Причем Федор Александрович, еще до получения первого черного варианта пьесы, просил подробно знакомить его с наиболее принципиальными изменениями и уточнениями текста повестей, диктуемыми законами драматургии. Поддерживая и воодушевляя меня, он писал:

«...Мне кажется, у Вас получается. Дай-то бог!

Насчет «домыслов» и домысливания. Пожалуйста, пожалуйста! Я даже не представляю, как можно перевести произведение прозы на язык сцены, не прибегая к оным. Так что смелее, не сдерживайте себя. Главное, чтобы все было в духе по-

вестей, в моем ключе эстетическом (по возможности)...

Всего Вам хорошего! И самое важное — творческих удач!

Ваш Ф. Абрамов.

24 января 1972 г.»

Но до «творческих удач» было ой как далеко! А иногда мне даже казалось, что пьеса «Пелагея и Аляка» — это ее название родилось сразу и навсегда — вообще никогда не будет написана, хотя вот они, ее «первоисточники», — под рукой, на столе. Опыт уже не одной, не менее сложной драматургической работы подобного рода — инсценировки романов А. М. Горького «Дело Артамоновых», «Жизнь Матвея Кожемякина» и «Фома Гордеев», пьеса «Жестокость», написанная с Павлом Филипповичем Филиппым, — не помогала. Дело явно не клеплось. Пелагея и Аляка никак не хотели расставаться с «родными», для них страницами прозы и переселяться на страницы пьесы. Попросив ответить на некоторые неясности в повестях, я не скрыл от Федора Александровича этой своей растерянности и неуверенности. И он тотчас же откликнулся веселым, ободряющим письмом:

«...Ну как — пропала хандра? Вернулся к Вам Ваш неискаемый оптимизм? Да, человеку, занимающемуся столь трудным делом, как Ваше, без оптимизма никуда. Но я уверен, этого добра у Вас с избытком.

Не буду касаться трудностей, с которыми Вы столкнулись — абстрактно такой разговор вести невозможно. А вот на Ваши вопросы — извольте, отвечу.

1. Как это Вам ни покажется странным, но я сам до конца не знаю, кто действительный отец Альки. Не исключена возможность, что и Олеша.

2. Праздник в «Пелагее», должно быть, Петров день (12 июля) или Ильин день (3 августа).

Всего хорошего!

Ф. Абрамов

14 марта 1972 г.»

Закончив второй или третий, теперь уже не помню, вариант, в котором, так или иначе, были воплощены отдельные «телефонные предложения» Федора Александровича, связанные с образами Пелагеи и Альки, я отправил рукопись в Ленинград, с волнением ожидая оценки, замечаний Абрамова, и, может быть, и приговора: «не быть по сему!». И вот от него приходит большое письмо:

«...Что ж, основа, по-мое-

му, есть. И основа неплохая.

Очень мне понравился образ тропинки, который лейтмотивом проходит через всю пьесу. Это, по-моему, хорошая находка. Она цементирует вещь, придает ей цельность, и сама по себе значительна. Тропинка как символ той прочной корневой жизни, которой следовала Пелагея и от которой оторвалась Аляка.

Поэтому-то нет ничего удивительного, что тропинка у Вас поет. Да, она должна петь. У нее должна быть мелодия. И может быть, даже слова. Какие то необыкновенно простые, но мудрые слова. Короче, образ тропинки мне понравился, я я даже подумал, а не назвать ли инсценировку какими-то близкими к ней словами. Скажем: «Песня Паладьиной межи». Но это, вероятно, слишком романтично. Пожалуй, название надо оставить старое. Все-таки в них, в Пелагее и Алье — смысл вещи. В их соотношении. Два времени. Два судьбы. Два характера. И в конечном счете успех пьесы решается здесь.

Что можно сказать об этих характерах?

Они есть. Но, по-моему, очень еще недостаточно. И очень нужно править их речь. В частности, неудачен первый монолог Пелагеи. Он скучен, в нем нет поэзии, широты. А первый монолог должен задавать тон всей пьесе. И над ним, конечно, придется работать и работать.

С другой стороны, сомкаю финальный монолог Альки. Нет, нет, глухими репликами-полунамеками тут не отделаться. Пелагея — глыба. Пелагея — сила. А Аляка (она тоже натура незаурядная) вся в метаниях, в поисках. В Алье — наше время, наша молодежь. Это надо хорошенько помнить. Иначе пьеса рискует стать просто бытовым эпизодом из колхозной жизни...

Здесь я позволю себе прервать письмо Федора Александровича и, забежав вперед, скажу, что мы до тех пор «работали и работали, над первым монологом Пелагеи, пока он вовсе не ушел из пьесы, которую, в окончательном варианте, открывает песня тропинки, безмолвное появление Пелагеи и реплика Альки. А финальный монолог Альки, в конце концов, превратился в одну фразу — крик: «Мама! Тетка! Христофоровна! Ну что мне делать, что? Ма-а-ма-а! Хри-сто-форовна... Помогите! По-мо-ги-те-е...»